

ПОНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ В РОССИИ

А.Д. Богатуров

Ключевые слова: экономическая политология, государство, бизнес, общество, коррупция, лоббизм, права предпринимателей.

Выделение дисциплины экономической политологии из общего содержательного потока знаний о политике вызвано потребностью в более пристальном изучении отношений бизнеса с государством и обществом. Это важно прежде всего для таких стран, как Россия, с характерной для них спецификой этих отношений, резко отличающихся от тех, которые существуют в странах “зрелого рынка и демократии” — государствах западной части Европейского Союза, США и Канаде.

С методологической точки зрения важно, что *в западных странах с их развитой либерально-демократической традицией “ключом” к пониманию политических процессов принято считать выявление и учет рационалистических экономических мотиваций избирателей.* Этот подход воплощен в теории рационального выбора и связанных с ней концепциях.

В странах незападных, многие из которых, включая Россию, по современной классификации относятся к типу нелиберальных демократий, теория рационального выбора работает лишь отчасти и не является “аналитическим ключом” к пониманию происходящих процессов — ввиду принижённости роли электорального поведения граждан в принятии определяющих экономических решений.

В группе незападных стран для выявления смыслов происходящего между государством и бизнесом бывает необходимо обращать внимание прежде всего на культурно-идеологические доминанты элиты, часто оторванные от рационалистических экономических мотиваций граждан, но при этом нередко пользующихся их поддержкой благодаря “понятности” и “оправданности” этих доминант с точки зрения традиционного массового сознания¹.

Вот почему объяснительная способность экономической политологии зависит от *двух одинаково важных блоков знаний. Первый должен обеспечивать понимание общих теоретических закономерностей поведения государства и экономически активных граждан в политических процессах. Второй — способность разбираться и применять на практике знание конкретной специфики отношений власти, бизнеса и общества в различных странах — прежде всего в самой Российской Федерации.*

БОГАТУРОВ Алексей Демосфенович, доктор политических наук, первый проректор МГИМО (У) МИД России. Для связи с автором: alebog@obraforum.ru

¹ После 1991 г. государственничество в России популярно не потому, что россияне не ценят свободу, а оттого, что в их массовых представлениях ценность единого государства на самом деле котируется выше права на личный успех и обогащение. Соответственно, и в конфликте президента В.В.Путина с крупным бизнесом в середине 2000-х годов, субъективно сочувствуя М.А.Ходорковскому (как “мученику”), большинство граждан поддерживало Кремль, веря, что “свобода для богатых нефтяников” (которые думают только о себе) опаснее для страны, чем ограничение свободы вообще, если этого добивается президент, который “радеет за всех”.

ПОНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Таким образом, экономическая политология формируется как дисциплина об общих закономерностях отношений бизнеса с государством и обществом и специфике этих отношений в любых странах², которые могут интересовать бизнес с точки зрения политических условий для его активности.

Если политология вообще — это прежде всего наука о социальных отношениях по поводу власти, то в *экономической политологии в равной степени внимательно изучаются эти отношения по поводу и власти, и извлечения прибыли*. Извлечение прибыли оказывается объектом политического анализа наряду с борьбой за власть. Власть перестает восприниматься просто как инструмент обогащения, а богатство — как средство получения власти. Извлечение прибыли, обогащение начинает рассматриваться как отдельный глубоко политизированный общественно значимый процесс.

Разумеется, экономическая политология неотделима от политологии общей. В этом смысле ее можно определить как *область политологии, которая напрямую связана с изучением вопросов обеспечения политической безопасности бизнеса, профилактики политических рисков, с которыми он сталкивается, а также с выработкой оптимальной стратегии поведения бизнеса в отношении общества и государства в политических ситуациях в любых странах, включая его собственную*. Очевидно, в экономической политологии изучаются специфические вопросы, которые, как правило, в первую очередь волнуют стратегических инвесторов и ту часть политического консалтинга, которая их обслуживает.

Экономическая политология в некоторых ее аспектах близка к таким дисциплинам, как “общественные связи” (“пиар”, *PR, public relations*) и “связи с политико-административными органами” (“джиар”, *GR, government relations*). Однако важно определить грани между этими дисциплинами.

PR в самом широком смысле — это манипуляционная наука об управлении образами субъекта. Более конкретно, это — *наука о политической и экономической привлекательности и инструментах ее формирования*. Очевидно, это понятие очень близко к тому, что именуется политической и экономической рекламой. Такая наука, естественно, сосредоточена на отношениях власти и бизнеса с обществом. В центре ее внимания — общество и инструменты влияния на него.

GR — еще более частная дисциплина о способах приобретения полезных связей с правительственно-административными органами. С методологической точки зрения она способна когда-нибудь претендовать на роль теоретического основания того, что можно будет назвать “научным лоббизмом”. Фокус ее внимания, очевидно, еще сужен даже по сравнению с *PR*, “подотраслью” которой *GR* пока еще в значительной степени является.

Экономическая политология, конечно, “соседствует” с *PR* и *GR* и кое в чем с ними пересекается. Но к экономической политологии могут быть отнесены только те части обеих дисциплин, которые касаются предпринимательских субъектов и экономического лоббирования. В этом смысле она вбирает в себя только некоторые сегменты их предметных полей.

В то же время, ни *PR*, ни *GR* не претендуют на изучение политической роли бизнеса в обществе и государстве, стратегии власти в отношении предпри-

² На английском языке для практических целей уместно передавать смысл термина “экономическая политология” как *Politics of Business – Government Relations*.

нимательства и поведения бизнеса в отношениях с властью, а экономическая политология призвана заниматься прежде всего этим. Более того, в отличие от *PR* и *GR*, экономическая политология вбирает в себя рассмотрение посягательств бизнеса на власть и рассматривает бизнес как субъект власти. *Экономическая политология “не стыдится” рассматривать с политической точки зрения извлечение прибыли и бизнесом, и властью.*

Эта дисциплина менее “технологична”, чем *PR* и *GR*. Не все ее знания легко “переложить в технологии”. Но она стремится “снять” новые технологии из анализа политической реальности, их зафиксировать, осмыслить и систематизировать с перспективой выйти на разработку матриц оптимального поведения бизнеса в типичных ситуациях его конфликта или сотрудничества с политической властью.

Для экономической политологии характерен акцент на анализе двуединства современных публичных политических процессов, в которых борьба за власть и обогащение в ходе этой борьбы становятся равнозначными по важности чертами политического процесса, а их слитность способствует трансформации самого политического процесса в политический бизнес. Добавленная стоимость возникает в этом бизнесе непосредственно внутри политического процесса, когда (и если) элементы развлекательности, театральности, рекламы, теле- и видеошоу встают вровень с собственно политическим содержанием, а затем незаметно начинают над ним доминировать.

Политики, аналитики и консультанты, политтехнологи, избиратели и спонсоры (осознанно и неосознанно) начинают вести себя сообразно логике участников бизнес-процесса: они ориентируются уже не только на результат, но и на продление процесса движения к тому результату — поскольку длительность этого процесса, а иногда прежде всего она, имеет свою цену и стоимость. В отдельных случаях результат становится по ценности соизмеримым с самим процессом, если последний был достаточно долгим и захватывающим, чтобы существенно обогатить всех к нему причастных. Спонсорство перестает быть спонсорством, фактически превращаясь в коммерческую инвестицию. Самые яркие примеры публичного политического бизнеса в 2000-х годах — нарочито растянутые во времени избирательные кампании в США (особенно президентские), в которых до последнего дня бывает трудно определить фаворита. Аналогичные процессы происходят в большинстве стран мира с развитой зрелищно-электоральной культурой. В России, где такой культуры пока нет, зачатки политического бизнеса представляют собой многочисленные политические ток-шоу — как правило, аналитически бессодержательные, но высокодоходные для их организаторов.

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Профилирующее содержание экономической политологии определяется необходимостью охвата четырех основных блоков знаний. В *первый* входят специфические преломления предметов теоретико-методологического цикла политологии. В курсе “теория политики”, например, укрупняется тематика философских трактовок взаимоотношений человека, богатства и власти, а также личного и общественного блага. В эту группу входит предмет экономического анализа политических явлений и его методология (варианты применения теории рационального выбора).

Во *втором блоке* рассматриваются вопросы обеспечения в широком смысле политической безопасности бизнеса. К ним относится проблематика правовой основы ведения бизнеса в той или иной стране, а также все легальные аспекты отношений бизнеса и власти. В этой группе — анализ политических рисков, типология конфликтов бизнеса с обществом и властью, механизмы воздействия власти на бизнес и способы разрешения их противоречий. Обрамляющая тематика блока — исследование структуры экономического интереса государства, внутренних и международных аспектов экономической безопасности страны, а также практики государственного регулирования экономического развития.

В *третьем блоке* обсуждаются вопросы восприятия бизнеса обществом, отношений между ними, общественные ожидания в отношении предпринимателей, наконец, понимание бизнесом своей социально-политической и социально-экономической роли, ответственности и миссии. В этом блоке — вопросы этики (“кодекса”) политического поведения бизнеса, а также роль СМИ в отношениях бизнеса с обществом и государством.

В *четвертом блоке* рассматриваются проблемы воздействия бизнеса на государство, механизмы лоббирования интересов предпринимателей во властных структурах и его правовые основания, сопоставление практик лоббизма в России и иностранных государствах. В этой же группе — анализ современных стратегий представления интересов бизнеса по власти и соответствующий зарубежный опыт (Северная Америка, Япония, страны ЕС). Отдельный подраздел — анализ роли личности политика в деловом мире и бизнесмена в политике, особенностей бизнес-психологии и бизнес-культуры в разных странах.

Теоретико-методологическая часть предметного поля экономической политологии, в существенной степени связанная с концепцией рационального выбора, выростала из анализа опыта зрелых рыночных демократий. Эта часть знаний начала накапливаться достаточно давно. Она лучше систематизирована и шире представлена в литературе.

Прикладная часть экономической политологии продолжает формироваться, причем огромная ее часть складывается на базе исследования материалов западных стран, в которых либо нет ни зрелого рынка, ни демократии, либо рынок и демократические институты присутствуют, но они функционируют в значительной степени иначе, чем на Западе. С прикладной точки зрения именно эта часть экономической политологии представляется одновременно и сложной для преподавания, и практически важной как минимум для тех, кто предполагает связать свою карьеру в деловой активности в России. Поэтому в последующих подразделах этой главы будет уделено внимание особенностям проблематики экономической политологии в западных странах.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТРАНОВОЙ СПЕЦИФИКИ ОТНОШЕНИЙ БИЗНЕСА С ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ

Как уже отмечалось, в странах нелиберальной демократии мотивы поведения элит могут быть автономны от настроений и экономических потребностей граждан. В таких государствах преобладает аппаратный тип принятия решений. Экономические решения вырабатываются, принимаются и проводятся в жизнь главным образом высшим политическим руководством и правительственной бюрократией.

При этом на всех уровнях большую роль играет личность лидеров и их индивидуальные характеристики. Поэтому в этой группе стран в той или иной степени преобладают неформальные отношения и связанные с ними интересы — родственные, дружеские, земляческие, корпоративно-групповые, клановые. В этнотерриториальных образованиях внутри Российской Федерации доминируют факторы принадлежности к одной из этнических групп.

Масса неформальных обязательств и отношений групповой солидарности определяет наличие мощных устремлений, довольно далеко отстоящих от логики экономической рациональности в том виде, как она трактуется в научной литературе. Поведение участников “неформальных групп” на практике не определяется формулами исчисления соотношений между социально-экономическими издержками и выигрышами в рамках логики рационального выбора.

К этому следует добавить влияние культурно-политического традиционализма. В странах исламских ареалов, например, общественная и политическая мораль помещают интересы солидарности выше интересов личного обогащения. В государствах с весомой составляющей православной культуры экономический рационализм (“меркантилизм”) до сих пор нейтрализуется сохраняющимися в массовом сознании архетипами нестяжательства и православной аскезы.

Даже в Европе сербы с болью пытаются примирить себя с мыслью о том, что ради экономической помощи от Евросоюза можно отказаться от прав Сербии на Косово. В Закавказье, Южной Азии и на Корейском полуострове политические интересы ставятся намного выше экономических благ от улучшения отношений с соседями. Российское правительство, как только позволили финансовые условия, возобновило субсидирование дальневосточных регионов страны, хотя с точки зрения “рыночной логики” их сохранение в составе России многим зарубежным специалистам кажется “нерациональным”.

Экономический рационализм не очень хорошо объясняет поведение российских граждан. Жесткий либеральный курс правительства в 2000-е годы вызывает их постоянное раздражение. Но это мало влияет на популярность российских президентов, которые по-прежнему уверенно чувствуют себя в отношениях и с бизнесом, и с обществом. Привычка полагаться на “сильного вождя”, который оказывается и источником ожидаемых благоденствий, и виновником любых неудач, доминирует над желанием россиянина принять ответственность за себя, страну и собственные ошибки. Это относится к отношениям бизнеса с государством и обществом не только в России, но и в других странах СНГ. В них сохраняют значение комплексы традиционных отношений — в основном неэкономических и, как правило, не воплощаемых в конституционных институтах.

Сказанное касается не только государств на территории бывшего Советского Союза, но и ряда других стран, в социальной структуре которых под влиянием вестернизации возникло сосуществование разнородных, но равновеликих анклавов. В одном — сохраняются отношения, связанные с традиционным для данной страны жизненным укладом. В другом — концентрируются вновь возникающие отношения западного типа. Причем эти анклавы уже веками сосуществуют, как показывает история, не замещая друг друга. По ходу времени каждый из них постепенно меняется, но они не сливаются и сохраняют свои базовые свойства. Общества такого типа сложились во всех стра-

нах, “импортировавших” модернизацию, т.е. не только в государствах СНГ, но и в таких странах, как Турция, Индия, Япония, Южная Корея, государства АСЕАН, Китай и других.

Желание сохранить анклавы традиционной жизни и отношений является формой стремления защитить свою идентичность. При этом страны и народы достаточно умудрены и опытны, чтобы не отвергать технические, финансовые, информационные и иные материальные и виртуальные блага модернизации. Оставаться в стороне от благ технических инноваций никто не хочет. Формирование анклавов традиционного наряду с анклавами нового – иммунный ответ незападных обществ на модернизацию. Они стремятся освоить блага модернизации, но не ценой утраты традиционного жизненного уклада. Анклавная структура общества – инструмент, позволяющий совместить традиционное с современным, обеспечить их взаимное приспособление. В этом смысле она является политически актуальным феноменом, ментально и экономически востребованным западным обществом. Считать ее недолговечным и преходящим явлением, судя по опыту последних двух веков, нет оснований.

Консервация традиционных отношений, даже в форме анклавов, влияет на политические отношения в обществе в целом. “Западный рационализм”, наталкиваясь на конкуренцию со стороны традиционных нерационалистических мотиваций, теряет часть своего импульса и не может стать определяющим элементом политического поведения граждан. В связи со сказанным важно заметить, что отношения государственной власти и бизнеса в современной России образуют анклав традиционных отношений в том смысле, что государство стремится осуществить задачи модернизации, в значительной мере полагаясь на традиционный тип отношений с экономически активным слоем.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ

Целесообразно сравнить особенности политического климата отношений бизнеса с окружающей его социально-политической реальностью. Во-первых, в силу ряда причин для Российской Федерации характерна более весомая регулирующая роль политической власти, чем это характерно для стран Запада. Власть выступает в роли творца модели экономического развития, которая не столько складывается сама под воздействием рыночных сил, сколько оказывается плодом успешных или неудачных попыток власти сконструировать оптимальную, с точки зрения властной группы, систему обеспечения экономического роста.

Во-вторых, правовые условия и политическая практика не позволяют бизнесу законным образом встать вровень с властью в вопросах выработки ключевых решений по развитию хозяйства. Этому препятствует и незрелость политико-правового сознания делового сообщества, которое в 1990-е годы попыталось – неудачно – подчинить себе политическую власть, а, потерпев неудачу, полностью ей покорилось. Бизнес не стал партнером ни для власти, ни для общества. Не сумев подчинить себе политиков, он предпочел формально подчиниться им, по сути пытаясь влиять на власть изнутри самой власти – через неформальные механизмы лоббирования своих интересов.

В-третьих, эти неформальные механизмы связей бизнеса с властью разрослись, тесня официальные отношения между предпринимателями и поли-

тиками. И бизнес, и бюрократический аппарат приспособились к такому типу отношений и препятствуют их модернизации. В сфере принятия решений по экономическим вопросам преобладающее значение сохраняют традиционные регуляторы — личные отношения, земляческие, родственные, этнические, кланово-групповые и иные неформальные связи. Преобладание неформального типа регулирования отношений бизнеса с властью является важнейшей чертой российской ситуации. Это затрудняет работу иностранного бизнеса в России, создавая питательную среду для nepoтизма: “чужаки” если и могут преодолеть неформальные барьеры на пути своего бизнеса, то главным образом, прибегая к взяткам. Представители этнически русского бизнеса в национально-территориальных образованиях внутри России сталкиваются по сути дела с такими же проблемами.

В-четвертых, возможно, опасаясь возобновления попыток бизнеса подчинить себе государство, как это было в 1990-е годы, политическое руководство с середины 2000-х годов построило в отношениях с деловым сообществом жесткую “вертикаль власти”. “Дело Ходорковского” в 2003-2004 гг. обозначило рубеж, после которого бизнес не рисковал открыто противоречить политикам и даже критиковать их действия. В результате политика безраздельно преобладает в стратегии экономического развития как минимум на макроэкономическом уровне. Отношения господства и подчиненности между властью и крупным бизнесом транслируются с макро- на микроуровень и задают параметры модели отношений властей с малым и средним предпринимательством.

В России не сложилось отношений “соразмерно равного” сотрудничества политической власти и частного бизнеса. Государство и бизнес в России до сих пор могли быть друг для друга “или рабом, или тираном”. При Ельцине тон стремились задавать олигархи, “после Ходорковского” — бюрократия. Попытки наладить систему партнерства власти и предпринимателей дали ограниченные результаты. Дело не в том, что отечественный бизнес страдает от недостатка связей с властью или ее малой информированности о его нуждах. Суть — в гипертрофии отношений “господства-подчинения”.

Российская бюрократия со своей стороны не смогла выработать механизмов самоограничения в отношениях с бизнесом. Олигархический разгул десятилетия 1990-х годов сменился неограниченным вмешательством власти в экономику. Во властных органах не возникло традиции относиться к бизнесу не только строго, но и бережно. Традиция взаимопомощи и взаимоподдержки бюрократии и бизнеса в России развивалась преимущественно в русле теневых отношений. Задача научить чиновника видеть в предпринимателе не только источник дополнительных налоговых поступлений, но и носителя перспективных экономических начинаний, выгодных стране и обществу, реализуется с большим трудом.

В-пятых, в силу недостаточной прозрачности экономической жизни чрезмерно большое значение в экономике и политике сохраняет сфера “серого бизнеса”, т.е. предпринимательства, действующего на грани законного бизнеса и криминального. Контуры этой сферы сложно определить. В серый бизнес нередко тайно вовлекаются представители отдельных звеньев бюрократического аппарата всех уровней. Невозможность знать наверняка, политики или чиновники какого уровня вовлечены в такой бизнес, блоки-

рует работу правоохранительных органов по декриминализации российской экономики. Это обстоятельство вносит в сферу деловых отношений дополнительные риски. Честному бизнесу труднее конкурировать с полукриминальным, а власть и подчиненные ей правоохранительные органы в такой конкуренции могут оказаться не на стороне первого.

В-шестых, бизнес работает в обстановке постоянной стрессовой неустойчивости. Крупные предприниматели вынуждены опасаться власти, причем она не имеет ничего против этого. Средним и мелким предпринимателям еще тяжелее: они боятся и криминала, и власти, которая может не захотеть их от него защитить. Общество в таком безмолвном, хотя очевидном, противостоянии в целом не симпатизирует бизнесу, вследствие чего тот не может апеллировать к общественной поддержке. Лишь государство по собственному произволу может выступить арбитром в спорных ситуациях — но только, если оно сочтет это выгодным для себя. В итоге незащищенность бизнеса работает на усиление произвола власти. Для того чтобы не просто выжить, а процветать и развиваться, бизнес должен вести себя не как просто “экономическое существо”. В отношениях с властью он вынужден льстить, хитрить, подлаживаться, изворачиваться.

В-седьмых, общество практически выключено из отношений между бизнесом и государством. Естественное раздражение бизнеса против политиков и криминала преобразуется в негативистское отношение предпринимательского сообщества к социальным нуждам страны и проблемам конкретного человека. Бизнесмены скорее отгораживаются от общества, чем стремятся к диалогу с ним.

Несовершенство законодательства о благотворительности тормозит и без того вялые попытки предпринимателей заявить о себе как о классе сознательных и ответственных граждан, проявить государственное видение и мышление. Список богатых людей, для которых благотворительность стала частью их стратегии роста, ограничен (Потанин, Усманов, Абрамович, Шойдиев и немногие другие). Предприниматели пока не создали ничего сравнимого с Фондом Рокфеллеров, Фондом Макартуров или Фондом Форда.

В-восьмых, феномен “патриотичного бизнеса” — в том виде, в котором он сложился в Японии или Южной Корее на этапах экономико-социального реформирования и модернизации во второй половине прошлого века, — в России отсутствует. Патриотичным в данном случае называется бизнес, способный самостоятельно прийти к пониманию необходимости подчинить интересы максимизации прибыли (не извлечения прибыли вообще, а именно ее максимизации) задачам вывода российской экономики на передовые мировые рубежи.

Мировоззрение руководства самых мощных российских корпораций проникнуто интернационализмом больше, чем патриотизмом. Мыслить широкими категориями глобальной экономики и общемировых хозяйственных процессов кажется привычнее и правильной, чем оперировать более частными понятиями вывода России на благоприятные позиции в международном разделении труда.

Соответственно, патриотизм бизнесу пытается “преподавать” власть, причем чаще всего при помощи энергичного давления. Это выражается главным образом в том, что у энергосектора изымается часть дохода, которая через бюджет направляется на развитие наукоемких производств. Для контраста: в Японии, например, бизнес участвует в определении приоритетов эконо-

мического развития наряду с правительством и сам вырабатывает для себя рекомендации относительно добровольных ограничений одних и ускоренного развития других направлений производства. В России первое и последнее слово в этом смысле остается за кабинетом министров.

Бизнес, правда, и сам не на высоте. В деловой практике не закрепились традиции добровольного самоограничения бизнеса по соображениям патриотизма или социальной ответственности. Российских инвесторов за рубежом (на Украине или в Молдавии) упрекают в отсутствии желания уважать традиции стран пребывания и особенности местной психологии. Отечественный бизнес отзывчивей к угрозам, чем к доводам о выгодах от встречных уступок и компромиссов. Власть ведет себя “зеркально” — отнимает деньги и собственность, но не стимулирует целевые инвестиции предоставлением налоговых льгот.

Трезво оценивая свою способность “научить бизнес патриотизму”, политическая власть сохраняет за собой мощные инструменты прямого воздействия на экономическое развитие в лице госкорпораций. В экономическом отношении они призваны осуществить именно те приоритеты развития, которые установило государство. Политически их существование призвано уравновешивать частный бизнес, не позволяя сосредоточиться в его руках слишком большим финансовым активам, к которым власть не имела бы прямого и легкого доступа. Повышение участия государства в крупнейших корпорациях энергетического сектора после “дела Ходорковского” было началом поворота государства к возвращению себе активной экономической роли и одновременно стартом профилактических мероприятий, призванных предупредить концентрацию чрезмерной финансовой мощи в руках частного бизнеса вообще.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА БИЗНЕС

Под экономической безопасностью понимается состояние неуязвимости государства и общества перед угрозами для устойчивости их развития. В более конкретном смысле обеспечение экономической безопасности предполагает: стабильное снабжение сырьем и энергией; беспрепятственный сбыт товаров на зарубежных рынках; поддержание устойчивости финансовой системы; предупреждение монополизации недружественным субъектом важных сегментов производства и рынка, обеспечение доступа к технологическим достижениям, необходимым для стабильного хозяйственного развития.

Расширительная интерпретация экономической безопасности, кроме того, подразумевает включение в этот примерный перечень еще и возможности сохранять независимость в принятии решений по ключевым вопросам экономического и социального развития — т.е. вопросам обеспечения благосостояния граждан. Правительство обязано следить за тем, чтобы экономические процессы и, следовательно, деятельность любых экономических субъектов, соответствовали требованиям обеспечения экономической безопасности.

Но четких критериев для заключения о том, что именно в деятельности экономических субъектов способно, а что не способно угрожать экономической безопасности, не существует. Власть имеет возможность произвольно толковать те или иные действия и ситуации. Для того чтобы спорить с правительством, нужна система независимого арбитража и устоявшаяся практика принятий арбитражных решений — как в пользу государства, так и в поль-

зу бизнеса. Такая система в России находится в стадии становления, а ее слабость увеличивает риски для деловой активности.

Во всех странах обеспечение экономической безопасности является важным аргументом для выделения в национальной экономике стратегических отраслей и стратегических предприятий, которым правительства уделяют приоритетное внимание, препятствуя, в частности, распространению на них контроля иностранного капитала.

Увеличение доли участия государства в крупнейших предприятиях российского энергетического сектора в середине 2000-х годов было представлено в ключе заботы об экономической безопасности России. Правительства западных стран в тот же период неоднократно блокировали попытки российских инвесторов приобрести крупные пакеты акций наукоемких предприятий в странах Евросоюза. В 2009 г. была сорвана уже в основном согласованная сделка о покупке у американской корпорации *General Motors* российским «Сбербанком» германского автомобильного концерна *Opel*. Аналогично Украина, Польша и другие транзитные страны отказываются продавать российским компаниям проходящие по их территории трубопроводные сети для транспортировки газа.

Сходный подход проявляется и в отношении наиболее важных новых технологий на стадиях их разработки и внедрения. Ресурс воздействия на бизнес связан с возможностью выдвигать жесткие требования по соблюдению экологических норм теми или иными корпорациями, деятельность которых по каким-то причинам начинает вызывать беспокойство правительств страны пребывания. Таким образом в 2006 г. были наложены существенные ограничения на деятельность американской компании *Sakhalin Energy (Royal Dutch Shell, Mitsui u Mitsubishi)*, которая за три года до этого получила заключения о соответствии ее проектов экологическим требованиям в Российской Федерации. Год спустя ограничения были сняты, но ценой компромисса было понижение доли иностранных инвесторов и увеличение доли российских («Газпром» получил 50% плюс 1 акцию).

Новая программа инновационного венчура, к участию в которой президент Медведев в декабре 2010 г., выступая в Сколково на инновационном форуме, пригласил бизнес, тоже вписывается в приоритеты экономической безопасности. Соответственно, такого рода сотрудничество может быть отнесено к разряду политически рискованного.

КОРРУПЦИЯ В ОТНОШЕНИЯХ БИЗНЕСА С ГОСУДАРСТВОМ И ПЕРСПЕКТИВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Коррупционный аспект отношений бизнеса с государственной бюрократией относится к числу самых политизированных. Отсутствие закона о лоббизме в значительной мере лишает легальных оснований естественное стремление деловых людей защитить свои интересы перед властью и добиться от нее поддержки в тех вопросах, где без этого нельзя обойтись — а таких вопросов большинство. Содействие государства обеспечивается практикой нелегальных связей с должностными лицами, которая фактически образовала мощный комплекс неписаных правил и механизмов личных связей, в основе которых лежит многоступенчатая и разветвленная система подкупа.

Энергичные попытки власти искоренить коррупцию, начавшиеся в самом конце 2000-х годов, пока не обеспечили перелома ситуации. Коррупционные практики характерны для многих стран и регионов мира — государств Южной Европы, Латинской Америки, Арабского Востока, Африки. В России и других странах СНГ они грозят фактически стать неотъемлемой частью экономической жизни, в частности, принятия административно-политических решений по хозяйственным вопросам.

Сложность искоренения коррупции имеет свою политическую сторону. Во-первых, в российских условиях она по сути дела выполняет функцию массового перераспределения общественного богатства в пользу обширного социального слоя профессиональных управленцев и сотрудников правоохранительных органов разных уровней, официальные доходы которых ниже, чем в других странах. В этом смысле в коррупции заинтересованы довольно широкие и, самое главное, влиятельные социальные силы. Для них коррупция — инструмент выживания в качестве привилегированного общественного слоя, принадлежность к которому является главным смыслом социального бытия соответствующих категорий служащих. Несмотря на существенное ужесточение официальных наказаний за коррупцию, именно они прилагают усилия для нейтрализации эффективности этих нововведений на практике. Это не вопрос отдельных руководителей, а системная проблема общества и одна из причин саботажа попыток ввести лоббирование деловых интересов в русло закона и установить контроль над ним. Отсутствие легального лоббизма фактически сводит весь деловой интерес до уровня интереса нелегального.

18

Во-вторых, коррупция фактически обеспечивает сращивание нелегальных интересов бюрократии и бизнеса, а в более широком смысле — бизнеса и государства. Коррупционный путь, образно говоря, является самым коротким, быстрым и незатратным способом защиты делового интереса в текущей ситуации, и поэтому бизнес не заинтересован в налаживании иных — официальных, легальных, прозрачных, но одновременно и гораздо более громоздких механизмов, в частности, судебных и арбитражных институтов и практики. Тайный сговор в известном смысле бизнесу ближе, чем легальная и состязательная защита своих интересов через конституционные институты и структуры гражданского общества.

На Западе страх и незащищенность первых буржуа перед королевской властью заставили зажиточный класс обратить внимание на нотариусов и стряпчих, которые могли помочь буржуа защититься от посягательств на их жизнь и имущество. Затем богатые люди осознали свою потребность в умных и смелых журналистах, которые могли бы обеспечивать им общественную поддержку. Пришло и понимание необходимости студентов, из которых можно воспитать не только умелых нотариусов, но и разумных депутатов.

Как только тех и других стало достаточно много, идея защиты прав собственника “пошла в массы” — в “толщу” простых граждан, которые стали стремиться защитить свои права так же, как их умели защищать буржуа. Так формировалась активная гражданская позиция, которая, сделавшись нормой самовосприятия простого человека, и позволила победить гражданскому обществу. Сегодня на Западе не принято об этом говорить, но все-таки гражданское общество исходно было призвано к жизни очень конкретной и практической задачей — защитить еще не набравших силу буржуа от государственной власти.

Ничего похожего пока в России не происходит. Ориентированному на прямой подкуп чиновников бизнесу не нужны работающие институты гражданского общества, и он в них не инвестирует. Проект гражданского общества, с этой точки зрения, недоинвестирован — поэтому он и буксует. Посредством коррупции бизнес “вкладывает деньги” в государство, вернее, в чиновников. Интересы граждан он игнорирует, а те платят ему “революционной неприязнью”.

В-третьих, позиция государства в отношении коррупции содержит в себе внутреннее противоречие. Коррупция, являясь элементом разложения, одновременно обеспечивает, как уже говорилось, слитность бизнеса с государством, консервирование его зависимости от власти, отказ от независимой от государства роли, в том числе политической. Но именно этого отказа добивалась власть от бизнеса долгое время. Искоренение коррупции в этом смысле будет означать переключение денежных потоков (инвестиций бизнеса) на институты и практики гражданского общества.

Но такое общество по определению оппозиционно власти, в том числе и прежде всего власти государства. Оно призвано оппонировать власти, перенимая у нее часть полномочий. Нет ясности, готово ли государство в лице его высшего руководства согласиться с переориентацией инвестиций бизнеса с чиновничьего слоя на тех, кто станет защищать интересы бизнеса легально — в том числе перед лицом политической власти. Не говоря о том, что бизнес с учетом практики вообще боится всякой оппозиционности, в том числе лояльной. Государство не доверяет бизнесу и поэтому “боится отпускать его от себя”.

Гражданское общество — это общество, приучившее себя “противостоять власти по правилам”, не быть безоговорочно лояльным власти, но и не быть априори против любой власти, как замешанная на нигилизме и обаянии террора русская политическая интеллигенция, переродившаяся в современных либерал-фундаменталистов. Формула гражданского общества в России — это примиренность власти с активной позицией граждан, которая предполагает существенную меру оппозиционности, в которую вкладывает деньги бизнес. Однако эта оппозиционность должна быть принципиально лояльна конструктивной идее сильного и единого государства.

Проблема в том, что ни бизнес, ни власть, ни общество пока не созрели для сотрудничества на базе такой формулы. В обществе недостает терпимости к богатству, во власти — согласия уважать интересы оппозиции, в бизнесе — критики к себе.

***

Экономическая политология формируется как прикладная дисциплина, смыслом которой является поиск путей для упорядочения, гармонизации интересов бизнеса, общества и государства. Она формируется в значительной степени как эмпирическая наука, в рамках которой накапливается, систематизируется и осмысливается опыт развития отношений между тремя названными субъектами в разных странах под влиянием неодинаковых культурно-психологических традиций. В перспективе это должно позволить выйти к обобщениям, которые смогут обогатить теоретические представления соответствующих разделов общей политологии.

